ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

DOI: 10.21779/2500-1930-2018-33-3-47-52

К.М. Магомедов

Ислам и христианство через метрику инклюзивного и эксклюзивного мышления

Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; magomedov49@mail.ru

В статье обсуждаются инклюзивная и эксклюзивная метрики организации культуры и межконфессионального взаимодействия. Показывается, что эксклюзивная метрика была оправданной на ранних ступенях утверждения культурной и конфессиональной идентичности. В современных же условиях глобализации и приоритета общечеловеческих ценностей предпочтение отдается инклюзивной метрике организации всей культуры, что устранил почву для всех проявлений экстремизма в мышлении и поведении людей. На конкретных примерах показывается действие инклюзивных механизмов во взаимоотношениях между различными авраамическими религиями. Обосновывается, что инклюзивность не предполагает отказа от своей культурной, религиозной идентичности, от своих убеждений и ценностных ориентаций; напротив, она подразумевает восхождение метрики идентичности на новый синергичный уровень, что является основой современной стратегии культурной и конфессиональной толерантности.

Ключевые слова: *инклюзивная и эксклюзивная культура, религия, ислам, христианство.*

У большинства людей слово *inclusive*, особенно у тех, кто побывал на отдыхе в Турции или Египте, ассоциируется только с комфортным заграничным отдыхом, где «all-inclusive», что означает «всё включено». Следует отметить, что данный термин достаточно объемён и включает в себя множество смыслов, которые действительно связаны с включением чего-то или кого-то в определенное множество (фр. *inclusif* – «включающий в себя» от лат. *includo* – «включаю»).

Но основной и, пожалуй, более актуальный смысл явления инклюзивности связан не с этимологическим содержанием, а с социальным ее значением. Применительно к различным сферам общественных отношений термин *инклюзивность* означает отсутствие какой бы то ни было, явной или скрытой, дискриминации, что обеспечивает возможность эффективного включения любого человека в жизнь сообщества. Строительство такого инклюзивного общества мировым сообществом уже включено в повестку дня, оно является не только социальным проектом, но и актуальной практической задачей. Говорится даже о формировании соответствующей инклюзивной культуры, инклюзивной политики и инклюзивной практики [2].

Наиболее прочно идея инклюзивности утвердилась в системе зарубежного и отечественного образования. Под инклюзивным образованием в самом широком смысле понимается организация совместного учебно-воспитательного процесса всех детей независимо от физических, психических, интеллектуальных, культурно-этнических, конфессиональных и иных особенностей, с учетом особых индивидуальных потребностей. Защищено несколько диссертаций, выпущено множество инструкций и методиче-

ских пособий по организации инклюзивного образования. В Государственной Думе РФ функционирует Экспертный совет по инклюзивному образованию.

Важность показателей инклюзивности осознана даже в международной практике и экономической деятельности. Так, в Давосе на Всемирном экономическом форуме в январе 2018 г. для сравнения уровня развитости стран признана необходимость внедрения *индекса или рейтинга инклюзивности* вместо не совсем объективного и презентабельного показателя ВВП (валового внутреннего продукта). Он позволяет учитывать не только количественные, производственные и качественные, но и социальные и гуманитарные показатели, такие, как коэффициент расслоения общества по доходам, метрику распределения богатства, уровень бедности, экологические показатели, размер госдолга и другие, позволяющие заметить в производственно-экономической метрике экзистенциальное измерение, живого человека, заботу о его настоящем и будущем.

Это в существенной степени изменяет соотношение по развитости отдельных стран. Например, по показателям ВВП США занимают лидирующие позиции, а по индексу инклюзивности находятся только на 23 месте среди 30 развитых стран. Примерно такие же расхождения по показателям ВВП и индекса инклюзивности у России, но среди развивающихся стран.

Нас в данной статье интересует культурологический аспект инклюзивности, непосредственно имеющий выход на религиозную и исламоведческую проблематику. Речь здесь пойдет об инклюзивности как определенной матрице мышления и оценки действительности, препятствующей порождению различных экстремистских форм в сознании и поведении людей.

В самом общем виде в интересующем нас аспекте модные в наши дни термины *эксклюзивность* и *инклюзивность* выражают два определяющих вектора в организации всей культуры. *Эксклюзивно* ориентированные культуры, основанные на противопоставлении одних его концептов другим, подчеркивающие свою исключительность, непохожесть, спекулирующие на собственной идентичности, в чем бы она ни выражалась, организованы, как правило, по принципу «мы и они», «свой–чужой».

Отсюда все явления культуры здесь рассматриваются через призму черно-белой, дихотомической оценки: «это правильно, истинно, а все остальное иллюзорно», «мы уникальны в этом мире, у нас свой путь развития», «кто не с нами, тот против нас», «это к нам не относится». Таким образом, при эксклюзивной метрике организации культуры из позитивного поля оценки исключаются все инокультурные механизмы [5; 6; 7].

В широком культурологическом аспекте «инклюзивность» означает способность одной культуры включать в метрику своего понимания и признания иные культурные эпифеномены. Поэтому она в целом ориентирована не на противопоставление одних культурных и мыслительных матриц другим, усиливая взаимное отчуждение и самоотчуждение, а на их объединение и сближение в пространстве общечеловеческих ценностей.

В такой эксклюзивно организованной культуре, как правило, доминирует традиционная классическая логика с ее законами непротиворечия и «исключенного третьего», согласно которым не могут быть одинаково истинными два противоположных концепта. Известно, что И. Кант своими «антиномиями чистого разума» уже показал, насколько ограничена и недостаточна для постижения полноты жизни и бытия классическая логика. Инклюзивная культура предполагает сосуществование различных концептов, основана на соответствующей диалектической логике, допускающей множественность истин и толерантных метрик, построенных по принципу дополнительности.

Выражаясь метафорически, можно сказать, что эксклюзивная и инклюзивная метрики отражают соответственно *разделительные* и *соединительные* стратегии в организации всей многоплановой культуры.

Если применить методологию конкретно-исторического подхода к оценке социальных процессов и явлений, то можно сказать, что эксклюзивность и инклюзивность являются определяющими матрицами организации культуры на различных ступенях ее развития. Это означает, что вектор цивилизационного и культурного развития идет от эксклюзивности к инклюзивности, в чем бы это ни проявлялось: в этнических, конфессиональных, нравственных и иных процессах.

Попытаемся проанализировать механизмы действия эксклюзивной и инклюзивной метрики мышления применительно к практике межконфессионального взаимодействия.

Как известно, в истории всех религий на первоначальных ступенях утверждения собственной конфессиональной идентичности доминирует эксклюзивная метрика. Это было естественно, поскольку здесь стоит задача завоевания своего места в культурном пространстве.

В истории всех религий так и происходило: утверждение всех конфессий осуществлялось исключительно через радикальный эксклюзивизм. Поэтому в Библии и Коране была представлена в основном эксклюзивная ценностная метрика. Например, в «Десяти заповедях», действительных не только для иудеев, но и для христиан, это выражено категорично: «Да не будет у тебя других богов пред лицом моим» [1; 20, с. 3].

Инклюзивная же модель допускает возможное сосуществование множества путей к спасению, при этом не отрицая собственной конфессиональной идентичности. Поэтому необходимо не противопоставлять конфессии друг другу, а действовать синергично, находить общие точки пересечения.

Как может первоначально показаться, нельзя утверждать, что одна модель религиозного развития правильная, а другая – неправильная. Да, эксклюзивный подход значительно упрощает действительность, он догматичен, особенно для современной мультикультурной, многонациональной и поликонфессиональной среды.

Подобная враждебная тональность сохраняется и в истории христианства. Таким образом, евангелическая установка также была дихотомической и бинарной: «Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого» [1; Мтф. 5:32]. И далее: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» [1; Мтф. 6:24]. Поэтому «Кто не со Мною, тот против Меня: и кто не собирает со Мною, тот расточает» [1; Мтф. 12:30].

Не секрет, что в Коране наблюдается еще более резкая интонация, вплоть до призывов к физическому уничтожению иноверцев и неверных [3; 2:191; 8:12, 17; 9:5, 14, 29, 41, 74 и др.].

Подобная эксклюзивная метрика видения мира, оправданная в период становления определенной конфессиональной идентичности, становится вредной в современных условиях постмодернизма и мультикультурализма, когда формирование конфессий завершилось и стоит задача налаживания конструктивного диалога между ними. В этих условиях именно инклюзивность рассматривается как общая черта, системообразующий признак и определяющий вектор организации всей культуры. Такая открытая мультикультура в многообразии своих проявлений противоположна линейной эксклюзивной культуре, построенной на бинарно-дихотомической оценочной логике.

Примечательно то, что о важности утверждения в обществе и культуре инклюзивной метрики заговорили представители исламоведения, особенно после выступления на конференции в Махачкале академика А.В. Смирнова, директора Института философии РАН. Согласно этому блестящему арабисту впервые такая инклюзивная модель взаимодействия конфессий была выработана великим суфийским мыслителем Ибн Араби, который говорил: «Ты не можешь быть настоящим мусульманином, если отрицаешь истинность других вероучений. И это не просто декларация, и это не просто императив. Этот по своей форме этический тезис является на деле прямым продолжением фундаментального онтологического учения, связанный с пониманием соотношения между Богом и миром, с проблемами познания и с вопросом об определении истинного действователя» [9, с. 50–51].

Сказанное имеет огромное методологическое значение не только для ислама и религиоведения. Речь, видимо, должна идти не только о теории и практике межконфессионального диалога. Имеется в виду новая стратегия организации всей культуры, построенной на инклюзивных культурных механизмах, о воспитании человека – носителя такой культуры. Если мы сможем формировать такую инклюзивную культуру, причин для экстремизма в сознании и поведении станет намного меньше.

Отмеченная выше преимущественно эксклюзивная метрика организации ислама на первоначальных ступенях своего становления, конечно же, не исключала полностью различных вероучительных и символических заимствований из других религий, правда, с несколько *иной мотивацией*. Такие заимствования в священных текстах встречаются у всех конфессий, имеющих авраамические корни, правда, приобретая новые социальные смыслы, вытекающие из их канонических оснований. Для примера сравним герменевтические значения некоторых чудес, описанных в Библии и Коране.

Например, такие инклюзивные метаморфозы происходят в чудесах, связанных с умножением пищи для тысяч людей, собравшихся на проповедь Иисуса. В евангелиях инициатива данного чудотворения исходит от самого Иисуса, поскольку ему стало жалко людей, пришедших к нему издалека и поэтому голодных [1; Мтф. 14:15–21; 15:32–38; Мк. 6:35–44; Лк. 9:12–17; Ин. 6:5–13].

В коранической же версии мотивация умножения еды несколько иная: апостолы просят и требуют этого от Исы в качестве доказательства его пророческой миссии: «О Иса, сын Марьям! Сумеет ли твой Бог с небес нам трапезу свести? Мы хотим поесть с нее и успокоить наши души. И будем знать, что ты сказал нам правду, и сей чудесной трапезе мы свидетелями станем». И молвил Иса... «О Господи, Владыка наш! Сведи нам трапезу с небес! И станет праздником, ...и Знамением Твоим предстанет для всех...» [3; 5:112–114].

Или, например, согласно евангелическим сказаниям, первым чудом, подтверждающим пророческую и спасительную миссию Иисуса, явилось превращение им воды в вино по просьбе его матери во время свадебной церемонии в Галилее, дабы избежать позора для бедных брачующихся.

Ислам, естественно, не мог в силу канонических и обрядовых ограничений утверждать подобное, тем более в качестве чудотворной способности Исы, поскольку он категорически запрещает употребление алкоголя. Поэтому первым чудом, совершенным Исой еще в младенческом возрасте, было то, что он заговорил на иудейском языке: это одно из доказательств его пророческой миссии, благодаря которой было ниспослано Божественное Писание [3; 19:31–34].

Как отмечается в религиоведческой литературе, важная причина таких инклюзивных метаморфоз заключена в самом исламе, построенном на абсолютном божественном предопределении, где субъективный или личностный и мотивационный моменты

выражены достаточно слабо и невыразительно. Поэтому мысль о том, что Христос по евангелической притче воскресил единственного умершего сына вдовы лишь потому, что *сжалился над нею* [1; Лк. 7:13], для последовательного мусульманского богословия непонятна и неприятна. Прежде всего потому, что подобная индивидуализация и мотивация поступков не имеют основания в исламской религиозности, тогда как для христианства столь пристальное внимание к человеческой личности обусловлено догматическим фактом личностного вочеловечения Бога-Слова, посредством которого каждая человеческая личность призвана к обожению [10, с. 361].

Можно предположить, что в исламском представлении о чудесах, совершенных пророками, в том числе и кораническим Исой-Иисусом, личностная мотивировка, основополагающая для Евангелия, совершенно не находит себе места. Чудеса – «это деяния, совершаемые пророком по воле Бога как доказательство его права на пророчество. Они являются знаменем связи пророка с источником откровения» [4, с. 27]. В этом смысл пророческих чудес по Корану, таков он и для мусульманского богословия: единственной целью чудес может быть лишь доказательство достоверности миссии пророка [8, с. 42].

В этой связи достаточно красноречив аят в Коране, указывающий на главный смысл пророческой миссии Исы: «Я к вам пришел от Господа с Его знаменем. Я сотворю для вас из глины образ птицы. Вдохну в нее, и волею Господней оживет она. Я исцелю того, кто слеп родился, и прокаженного оздоравлию. Я оживлю Господней волею умерших. И назову вам все, что вы едите, и что храните у себя в домах. В этом, по истине, знамение для вас, коль в Господа уверовали вы» [3; 3:49].

Здесь и в других коранических аятах четко прослеживается идея о том, что смысл этих и других чудес заключается не в облегчении человеческих страданий (хотя это, естественно, также важно), а прежде всего в доказательстве истинности пророческой миссии.

Выдержки из христианских и исламских священных текстов убеждают нас в наличии в них серьезных инклюзивных тенденций, что является базой для утверждения общечеловеческих ценностей и торжества толерантности в межконфессиональных отношениях. Сказанное выше об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации межконфессионального взаимодействия имеет не только теоретический интерес, но и большое практическое значение. Не секрет, что очень часто сохраняющаяся эксклюзивная метрика мышления в исламе является глубинной причиной различных проявлений экстремизма, авторитаризма и тоталитаризма. И наоборот, путь к комфортному вписанию ислама в мировой культурный процесс проходит по руслу инклюзивной его организации, когда осуществляется оценка его постулатов через призму общечеловеческих ценностей. Проблема не в том, что есть различные подходы в оценке какого-то постулата или факта: такие различные подходы естественны в любой конфессии. Особенно они характерны для ислама, где существует формула идштихада, построенного на праве каждого мусульманина иметь собственное видение и понимание определенной нормы. Проблема возникает там, где одна максима начинает возводиться в абсолют как единственно правильная и истинная. Это, во-первых. Во-вторых, отмеченная инклюзивность не предполагает отказа от своей культурной, религиозной идентичности, от своих убеждений и ценностных ориентаций.

Литература

1. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. – М.: Российское Библейское общество, 2013.
2. Бут Т., Эйнскоу М. Показатели инклюзии: практическое пособие. – М.: Перспектива, 2007.

3. Коран / пер. смыслов и коммент. Валерии Пороховой. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Аль-Фуркан, 1997. – 798 с.
4. *Лари Сайид Муджтаба Мусави*. Пророчество. – Баку, 1994.
5. Магомедов К.М. Гносеологическая метрика мира и явление инклюзивности в культуре // Материалы IX международной научно-практической конференции «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: духовно-нравственное воспитание молодежи» (9–10 ноября 2017 г., г. Махачкала). – Махачкала, 2017. – С. 114–119.
6. Магомедов К.М. Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры // Диалог культур в глобализирующемся мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / под ред. В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой. – Махачкала: АЛЕФ, 2018. – С. 128–132.
7. Магомедов К.М. Проблема истины в философии и теологии // Исламоведение. – 2016. – Т. 7, № 2 (28). – С. 46–59.
8. Максимов Г. Понятие чуда в христианстве и исламе // Альфа и Омега. – 2000. – № 27. – С. 40–46.
9. Смирнов А.В. Классический ислам и современный Дагестан: как можно сегодня прочитывать исламское наследие // Проблемы российского самосознания: историческая память народа: материалы 12-й Всероссийской конференции (Москва–Махачкала, апрель 2015 г.). – М.–Махачкала: Дельта-Пресс, 2015. – С. 43–54.
10. Шалаби А. Отношение мусульман к христианству: несколько современных примеров // Христиане и мусульмане: проблемы диалога. – М., 2000. – С. 360–367.

Поступила в редакцию 14 июня 2018 г.

UDC 130.2

DOI: 10.21779/2500-1930-2018-33-3-47-52

Islam and Christianity through the angle of inclusive and exclusive thinking

K.M. Magomedov

Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; magomedov49mail.ru

The article discusses the inclusive and exclusive metrics in the foundation of culture and interreligious interaction. It is shown, that the exclusive metric was justified during the early stages in the foundation of cultural and religious identity. Under globalization and the priority of universal values, preference is given to the inclusive metric of the organization of the whole culture, which will eliminate the ground for all extremism manifestations both in people's the thinking and behavior. Specific examples show the effect of inclusive mechanisms in the relationship between the different Abrahamic religions. It is proved, that inclusiveness does not imply abandoning one's cultural, religious identity, beliefs and value orientations. On the contrary, it assumes the ascent of the identity metric to a new synergy level, which is the basis for the modern strategy of cultural and confessional tolerance.

Keywords: *inclusive and exclusive culture, religion, Islam, Christianity.*

Received 14 June, 2018